

Васильева Екатерина Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент Карельского филиала
ФГБОУ ВО «Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», г. Петрозаводск
libellule_26@mail.ru

Трактровка именных групп *mon ami/mien ami* в старофранцузском языке

Аннотация. Проведенный нами анализ групп *mon ami/mien ami* не выявил различий в их функционировании в старофранцузских рукописях. Это дает нам право рассматривать данные сочетания в качестве грамматических вариантов, то есть разновидностей одной и той же структуры, грамматическое значение которых функционально тождественно. Кроме того, наше исследование показало, что употребление ударных форм притяжательных прилагательных с именами, обозначающими неотчуждаемую принадлежность, свидетельствует об их семантической маркированности: они служат для более четкого выражения значения посессивности.

Ключевые слова: группы *mon ami/mien ami*, грамматические варианты, посессивность, семантическая маркированность.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Как показало наше исследование, атрибутивная функция является основной как для безударных, так и для ударных форм унипосессивов (посессивов, указывающих на одного обладателя) в старофранцузском языке. Вместе с этим, ученые по-разному трактуют приименное употребление двух серий форм посессивов.

Многие исследователи, в частности, М.А. Бородина, считают конструкции типа *mien ami/ mon ami* идентичными с точки зрения грамматического значения, и с точки зрения семантики, и, как мы указывали выше, объясняют это тем, что в старофранцузском языке не существовало грамматического различия местоимение/ прилагательное [Бородина 1965: 123]. Ж. Аздор также отмечает, что обычно ударные формы выступают как чистый субститут безударной формы посессива: «*La seue amor me destreint et justise (Pr 290) – L’amour que j’éprouve pour elle me tourmente* [Hasenohr 1993: 49]. По мнению Э. Фараля, конструкция «артикль + *mien*, *tuen*, etc. + имя» представляет собой простой эквивалент безударной формы притяжательного прилагательного [Faral 1941: 30].

Не все ученые разделяют подобную точку зрения. Так, по мнению М. К. Сабанеевой и Г. М. Щерба, примеры с безударным посессивом и примеры с ударным посессивом составляют оппозицию в коммуникативном плане. Это противопоставление заключается в том, что в случае использования безударной формы посессива, детерминация имени по признаку связи с лицом коммуникативно нейтральна, она специально не акцентируется. Так, в *il le sivat ad Ais, a sun estage* [Ch. de R.] – «Он последует за ним в Аахен, его столицу» читателю было хорошо известно, что Аахен – столиц Империи Карла Великого, таким образом, дополнительная информация об этом избыточна.

В группе же с ударным посессивом этот посессив коммуникативно значим, тем самым говорящий привлекает к нему внимание собеседника: ...*La soa mort vida nos rent* [Passion du Christ] – «Его смерть возвращает нам жизнь». В этом примере, по мнению ученых, выделение лица усилено антонимичностью вводимого посессивом существительного *mort* «смерть» со следующим за ним словом *vie* «жизнь». Отсюда

исследовательницы заключают, что конструкция с безударной формой посессива противопоставляется конструкции с ударной формой посессива как коммуникативно немаркированная коммуникативно маркированной. И, следовательно, употребление в именной синтагме ударной формы посессива было продиктовано необходимостью подчеркнуть идею посессивности в широком смысле слова, и нельзя объяснять это явление тем, что в старофранцузском языке еще не произошло четкой дифференциации между двумя рядами форм [Сабанева, Щерба 1990: 88].

Наш анализ именных групп, содержащих безударную или ударную формы посессивов, не выявил существенных различий в их синтаксическом поведении. Приименные формы *mon/ mien* употребляются в старофранцузских рукописных текстах во всех синтаксических функциях, свойственных существительному как части речи. Существительное, определяемое как безударной, так и ударной формой притяжательного прилагательного, может относиться: – к подлежащему: *Contre mainz mals est ses mestiers* [Lapidaire 685]; – к подлежащему: *A mal putaige soit li siens cors* livrés! [Ami 888]; – к прямому дополнению: *Si par m'avoient acoré/ Que ne sentioie point mon cuer* [Miracles 49: 319]; – к приложению: *Por Mahonmet mon deu, an cui somes creant,/ Mout a anviz randroient le treü l'amrant* [Simon 584]; – к обстоятельству: *...Et se il n'est a mon plesir* [Narcisse 270]; – к обстоятельству: *Que nos séum al soen plesir!* [Adam 84].

Таким образом, анализ групп *mon ami/ mien ami* не выявил различий в их функционировании в старофранцузских рукописях. Это дает нам право рассматривать сочетания типа *mon ami/ mien ami* в качестве грамматических вариантов, то есть разновидностей одной и той же структуры, грамматическое значение которых функционально тождественно [Шендельс 1962: 8-18].

Однако, как указывает В. Н. Ярцева, возможность заменяемости в одной и той же синтаксической модели еще не гарантирует для грамматических вариантов их безразличного чередования [Ярцева 1979: 10]. Действительно, проведенное исследование показывает, что приименные формы *mon/ mien* не связаны свободным чередованием: ударная форма притяжательного прилагательного имеет экспрессивную заостренность и указывает, как правило, на эмоциональное или логическое выделение сочетания «притяжательное прилагательное + имя». На основании этого, мы определяем группы *mon ami* и *mien ami* как «неполные» [Семенюк 1965: 50], или как «значимые» варианты [Шендельс 1962: 10], которые различаются не только своей материальной манифестацией, но также экспрессивно-стилистическими и, вероятно, семантическими оттенками.

Как известно, в латинском языке чаще всего притяжательное прилагательное ставилось в постпозицию к имени: *Eo nomine senatus decretis honorificus in ordinem suum me adlegit* (Monumentum Ancyranum, 262) [Цит. по: Зингер 1982: 88]. Обратный же порядок, то есть препозиция притяжательного прилагательного, был продиктован необходимостью эмфазы, он выполнял экспрессивно-выделительную функцию. Таким образом, следуя за именем, посессив не нес на себе специального ударения, а значит его дисиллабизм был очень хрупок [Poerck de 1964: 135]. Это, естественно, привело к синкопированию посессивов, находящихся в энклитическом положении. Далее, в связи с общими аналитическими тенденциями, в частности, со стремлением именных групп к консолидации, детерминативы, в том числе притяжательные прилагательные, переместились в препозицию к определяемому ими существительному. Однако, вероятно, с целью эмфазы использовалась полная форма притяжательного прилагательного: *Sire, li miens Deus, en tei esperai; salve mei de tuz les parsiwanz mei, e delivre mei* [Ps VII, 1] – «Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю; спаси меня от всех

гонителей моих и избавь меня.» Формула *li miens Deus* в плачевной песне Давида показывает накал чувств персонажа, его горячий призыв Господа к себе, его сильную веру в Всевышнего.

Т. М. Николаева указывает на то, что «дополнительные коннотации» посессивности связаны с частотой и обязательностью употребления посессивов в данном языке. Это означает, что если в русском языке было бы обязательно отмечать посессивом каждый предмет, находящийся во временном или постоянном владении актанта (*Я поднес свою ложку к своей тарелке и отломил кусок своего хлеба*), то тогда высказывания типа *Я столько слышал о вашем Петрове* или *Он опять принялся за своего Робинзона Крузо* и т. д. не могли бы приобретать никаких дополнительных коннотаций [Николаева 2000: 127].

В свете сказанного становится понятным, почему в старофранцузском языке наряду с именными синтагмами, содержащими безударную форму посессива, употреблялись именные синтагмы с ударной формой посессива. Широкая распространенность первых препятствовала тому, чтобы они передавали дополнительные оттенки значения посессивности.

Напротив, анализ функционирования ударных форм унипосессивов в старофранцузских рукописях показал их низкую частотность: в изученных нами 46 рукописных текстах мы выявили более 8000 форм посессивов, среди которых только 395 приходится на ударные формы унипосессивов. К тому же, в 5 рукописях нам вообще не встретилось ни одной ударной формы посессивов, указывающих на одного обладателя.

Невысокая частотность ударных форм притяжательных прилагательных располагает их к передаче дополнительных коннотаций.

Стилистическая и семантическая маркированность именных групп типа *mien ami* обусловила их преимущественное употребление в *поэтических произведениях*, которые гораздо в меньшей степени отражают разговорный узус, чем проза [Reenen 1985: 451]. Как показывает наш материал, в прозаических произведениях, а также в деловых документах ударные формы притяжательных прилагательных встречаются в единичных случаях, при этом, часто в одних и тех же формулах. Так, в валлонских хартиях, опубликованных М. Вильмоттом, сочетание имени с ударной формой притяжательного прилагательного нами зафиксировано лишь трижды, при этом каждый раз в выражении «*delle siene part*»: *En apres damoiselle helius deuant ditte vient par deuant nos a liw desour nomeit & no requist ke nos li feissiemes don et vesture delle siene part del demi bonier daluz desour dit...* [Wallon XIX, 583]. Или, например, в пикардских хартиях, изданных Л. Каролус-Баррэ, мы встречаем подобный пример, но уже с плюрипосессивом: *Encore fa je a savoir que dele leur partie dou blé et de autres choses que leur terres porteront ... il en feront leur volenté ...* [Chartes № 27, 32: 13].

Нераспространенность именных синтагм с ударной формой посессива в деловых текстах служит еще одним доказательством их стилистической маркированности. Как показало исследование П. Ван Реенена, проведенное на материале старофранцузских рукописей, именно стиль художественно-литературных произведений характеризуется большей архаичностью по сравнению со стилем текстов делового характера [Reenen 1985: 451].

О том, что ударные формы притяжательных прилагательных обладали большим эмоциональным зарядом, свидетельствует их употребление в перифрастических оборотах типа *li miens cors, la moie char* со значением самостоятельного личного местоимения *moi, toi, lui*: *La moie char, quant tu weuls, si la prent/ Et si en fai del tout*

a ton conmant [Ami 1822]; – apref ditraiuf delf áanz./ que | *li fuof corpf* fufting si granZ [SLéger 10]; etc.

Вместе с тем нам встретились и примеры, где в подобных оборотах употребляется безударная форма посессива: *Ceste bataille ne puet remanoir mie./ Ainz sera faite par Deu le fil Marie./ Et la fera, sachiéz, mes cors meismes* [Ami 101]; etc.

В данном примере оборот получает силу за счет неопределенного прилагательного *meismes*, что, по-видимому, и сняло необходимость использования ударной формы притяжательного прилагательного.

Известно, что посессивы, имплицитно семантику оценки, «не любят» качественных определителей и с трудом с ними объединяются в одной конструкции [Вольф 1983: 17; Николаева 2000: 31]. Обращение к старофранцузским рукописным текстам показывает справедливость данного утверждения только для ударных форм притяжательных прилагательных, которые всегда тесно примыкают к определяемому ими существительному. Однако, как показало наше исследование, между безударной формой притяжательного прилагательного и именем часто могут стоять и прилагательное, и два прилагательных одновременно, и сочетание наречия с прилагательным. Это свидетельствует о том, что в старофранцузском языке безударные формы посессивов, как правило, были лишены способности самостоятельно передавать дополнительные коннотации.

Напротив, примеры, когда между ударной формой посессива и именем включаются другие слова, встречаются крайне редко. В проанализированных рукописях нам встретилось всего лишь 14 таких примеров, при этом в каждом из них посессив отделен от имени только с помощью прилагательного: *Ke la joie puissun servir/ Par la sue seinte aye./ N'i eit nul que Amen ne die* [Arbre 428]; – *Garissiéz hui le mien chier compaignon...* [Ami 1185]; – *E Dieus! Si ne fist il, che m'est avis./ Ne fuissent les proiere q'Avisse fist/ La soie vaillant mere al cors gentil.../ Senpre fust retenus u mors u pris...* [Aiol 599]; etc. В данных сочетаниях качественное прилагательное входит в наименование, а посессив придает ему дополнительный экспрессивный смысл (ср. в русском языке: *мой конь ретивый, мой друг бесценный, мой милый друг* и т. д.).

Все это также говорит о том, что ударные формы посессивов выразительны сами по себе.

Наконец, лексико-семантический анализ показал, что безударные и ударные формы посессивов могут сочетаться с именами существительными всех лексико-семантических групп. Однако при более тщательном изучении рассматриваемых именных синтагм мы обнаружили определенные ограничения в сочетательных возможностях ударных форм притяжательных прилагательных, а именно: приименные формы *mien*, *tuen*, *suen* и т. д. не употребляются для обозначения отношений обладания, носящих кратковременный характер, иначе, для обозначения «принадлежности по функции» [Категория посессивности... 1989: 61-66], которая возникает в процессе трудовой, бытовой деятельности человека. Напротив, безударные формы притяжательных прилагательных нередко употребляются для выражения временной принадлежности по функции, когда объектами обладания становятся предметы домашнего обихода, орудия труда и т. д.: *Sa femme le met a raison; /.../ «U est», fait ele, «mes gastiaus»* [Bodel: Farbu 74]; etc., где притяжательное прилагательное указывает на окказиональную принадлежность по функции, которая выясняется из предтекста (пирог, который жена велела купить мужу).

Это означает, что ударные формы притяжательных прилагательных преимущественно служат для обозначения таких типов отношений, которые расцениваются языковым и человеческим менталитетом как отношения неотчуждаемости. Такие от-

ношения для конкретного лица мыслятся как обязательные или в высшей степени вероятные.

Наконец, употребление ударных форм притяжательных прилагательных с именами, обозначающими неотчуждаемую принадлежность, свидетельствует и об их семантической маркированности: они служат для более четкого выражения значения посессивности. Так, после того, как представились все бароны, герой произведения «Симон де Пуйль», представленного в рукописи P., B.N., f.fr. 368, называет свое имя: *Et li miens nons si est Angeliens li Gascon* [Simon 312]. В этом примере ударная форма посессива способствует подчеркнутому выделению значения посессивности. То же самое наблюдаем в другом примере: *Ne fu aucune femme de la soe bonté* [Florence 65] = не было ни одной женщины такой красоты, как у нее.

Таким образом, именные группы типа *mon ami/ mien ami* следует рассматривать как грамматические варианты, различающиеся стилистической и семантической маркированностью.

Ссылки на источники

1. Бородина, М. А. Историческая морфология французского языка (от синтеза к анализу). – М.; Л.: Просвещение, 1965. – 230 с.
2. Вольф Е. М. О соотношении посессивных и качественных значений// Категория притяжательности в славянских и балканских языках: тез. совещ. – М.: Наука, 1983. – С. 16–18.
3. Зингер Л. Ш. К проблеме расщепления посессива от латыни к французскому языку // Вестник ЛГУ. – 1982. – Вып. 2. – № 8. – Сер. История. Язык. Литература. – С. 87–94.
4. Категория посессивности в славянских и балканских языках/ Ин-т славяноведения и балканистики / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М.: Наука, 1989. – 262 с.
5. Николаева Т. М. От звука к тексту. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
6. Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 272 с.
7. Шендельс Е. И. Синтаксические варианты // Науч. докл. высш. шк.: филол. науки. – 1962. – № 1. – С. 8–18.
8. Ярцева В. Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне // Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука, 1979. – С. 7–26.
9. Faral E. *Petite grammaire de l'ancien français. XIIe-XIIIe siècles.* – Paris: Hachette, 1941. – 42 p.
10. Hasenohr G. *Introduction à l'ancien français de Guy Raynaud de Lage.* – 2e éd., rev. et corr. – Paris: SEDES, 1993. – 286 p.
11. Poerck G. de. *Le possessif en gallo-romain et dans le plus ancien français*// *Mélanges de linguistique romane et de philologie romane offerts à M. Delboulle.* – 1964. – T. I : Linguistique romane. – P. 135–161.
12. Reenen, P. van. *La linguistique des langues anciennes et la systématisation des données*// *Actes du IV Colloque Intern. sur le Moyen Français publ. par A. Dees.* – Amsterdam: Rodopi, 1985. – P. 433–470.

Список использованных текстов и сокращений

1. Adam. – *Drame anglo-normand du XIIe siècle publ. pour la première fois d'après un manuscrit de la Bibliothèque de Tours par V. Luzarche.* – Tours: J. Bouserez, 1854. – 101 p.
2. Aiol. – *Aiol. Chanson de geste publ. d'après le ms unique de Paris par J. Normand et G. Raynaud.* – P.: Didot et Cie, 1877. – 350 p.
3. Ami. – *Ami et Amile. Chanson de geste publ. par P.F. Dembowski.* – P.: Champion, 1969. – 129 p.
4. Arbre. – *La légende de l'«Arbre de Paradis» ou «Bois de la Croix» publ. par M. Lazar* // *Zeitschrift für Romanische Philologie.* – 1960. – Bd. 76. – Hf. 1-2. – S. 34-63.
5. Bodel. – *Les fabliaux de Jean Bodel éd. par P. Nardin* // Univ. de Dakar. Fac. des lettres et sciences humaines. Publications de la Section de Langues et Littératures. – 1959. – № 3. – 119 p.
6. Chartes. – *Carolus-Barré L. Les plus anciennes chartes en langue française.* – T. 1: Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise 1241-1286. – P.: Klincksieck, 1964. – CXXII, 333 p.
7. Eneas. *Texte critique publ. par J. Salverda de Grave.* – Halle: Niemeyer, 1891. – 465 p.
8. Florence. – *Florence de Rome. Chanson d'aventure du premier quart du XIIIe s. publ. par A. Walensköld.* – T. 1-2. – P.: Didot et Co, 1809-1907. – 296 (1), 381 (2) p.

9. Lapidaire. – Lapidaire de Cambridge// Les Lapidaires français du moyen âge des XIIe, XIIIe et XIVe siècles: Réunis, classés et publ. accompagnés de préf., de tables et d'un glossaire. Par L. Pannier. – P.: Vieweg, 1882. – XI, 340 p.
10. Miracles. – Miracles de Gautier de Coinci. Extraits du ms de l'Ermitage par A. Långfors// Annales Academiae Scientiarum Fennicae. – 1937. – T. 34. – 389 p.
11. Narcisse. – Thiry-Stassin M. et Tyssens M. Narcisse. Conte ovidien français du XIIe siècle. Edition critique. – P.: Les Belles Lettres, 1976. – 177 p.
12. Passion. – La Passion du Christ// Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française. – T. 1. – Leipzig: Reisland, 1920. – P. 15-34.
13. Ps. – Le livre des psaumes. Ancienne traduction française publ. pour la première fois d'après le ms de Cambridge et de Paris par Fr. Michel. – P.: Imprimerie Nationale, 1876. – XI, 338 p.
14. Simon. – J. Baroin. Simon de Pouille. Thèse ... – T. 1-3. – Lille: Atelier de Reproduction des Thèses Univ. de Lille III; – P.: Champion, 1978. – 1143 p.
15. SLéger. – La vie de Saint Léger // Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française. – T. 1. – Leipzig: Reisland, 1920. – P. 35-47.
16. Wallon. – Wilmotte M. Essais de dialectologie wallonne // Romania. – 1988. – T. 17. – № 3. – P. 542-590.

Ekaterina Vasilyeva,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Karelian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Petrozavodsk
libellule_26@mail.ru

Interpretation of noun groups *mon ami/ ami mien* in old French language

Abstract. The article is devoted to the analysis of word combinations *mon ami/ mien ami* in the Old French. Our research has not revealed any functional differences in their use. It gives us the right to consider these groups as grammar variants that is as varieties of the same structure with the functionally identical grammar meaning. Besides, the author shows that the use of stressed forms of possessive adjectives with the nouns designating the inalienable possession proves their semantic markedness: they serve to emphasize the meaning of possession.

Key words: word combinations *mon ami/ mien ami*, grammar variants, possession, semantic markedness.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	08.10.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	10.10.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	10.10.16	Опубликована <i>Published</i>	18.10.16

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016

© Васильева Е. Г., 2016